

Тибор Сабо

ГРАМШИ И ЛЕНИН

В развитии марксизма XX-ого века выдающееся место занимает Ленин, утверждающий марксовую тотальность. В соответствии с конкретными условиями России в теории и практике он разработал единство субъективного фактора, практики и историчности, нарушенное II-ым Интернационалом. Именно поэтому в истории марксизма XX-ого века Ленин стал центром сравнения. Современник Ленина итальянский коммунист-философ Антонио Грамши (1891—1937 гг.), по указанию Ленина стремится осуществить марксистско-ленинское единство. Поэтому совершенно справедлива характеристика Пальмиро Тольятти, что Грамши создал «новую фазу ленинизма»¹. В нашем анализе мы попытаемся подтвердить это положение, освещая жизненный путь Грамши.

По пути к ленинизму

Грамши вливается в итальянское социалистическое движение в тот период, когда уже стало ясным: социалистические руководители Турати, Тревс и другие порвали с революционными традициями, и, пристроившись к буржуазному правительству Джолитти, удовлетворились лишь требованием некоторых реформ. Этот реформизм, как известно, означал бездейственное ожидание, выжидание прихода социализма: так называемые официальные социалистические руководители провозглашали и поддерживали пассивное поведение. А это, в свою очередь, говорило об открытом разрыве с марксизмом, ведь одним из самых главных его конституальных принципов было требование практического, революционного свержения капитализма. Грамши и другие молодые социалисты, полностью поддерживал и организовывая демонстрации и забастовки рабочих и крестьян, сами под угрозой тюрьмы, принимали участие в движении. В теоретическом смысле они не могли присоединиться к реформистской политике. Субъективный фактор, требование активизации человека, делающего историю, временно был заимствовал у распространённого в то время идеализма, в первую очередь, у Кроче. Они ещё не видели, что марксизм также уделяет чрезвычайно важную роль субъекту, формирующему историю, как в философии, так и в теории политики. Поэтому Грамши приветствует Октябрьскую революцию как *революцию против «Капитала»*. Условия в России и большевики, в первую очередь более близкое знакомство с работами Ленина, потрясли Грамши: в Италии также назрела необходимость в глубоком изменении марксистских представлений, сформированных под влиянием реформизма. В качестве журналиста в период между 1918—1919 годами Грам-

ши всё с большей силой выступает с требованием идейно-идеологического обновления социалистической партии на основе большевизма. С этого момента у него наступает начальная стадия дуалистической тенденции — разрушение совместного влияния идеализма и социалистического рабочего движения: под воздействием Ленина и большевиков Грамши возвращается к Марксу, Энгельсу. Это является одной из характеристик его умственного и политического развития.

Под влиянием Коминтерна и Ленина

Грамши, следовательно, относится к тому поколению марксистов, для которых *главным событием стала Октябрьская революция*. Это подчеркивает и советский исследователь Грамши Б. Р. Лопухов, когда перечисляет четыре главных элемента, которые Грамши почерпывает из примера России: необходимость диктатуры пролетариата, руководящая роль партии, важность организации советов, значение союзнической политики.² Действительно, Грамши, как один из руководителей социалистического движения в Турине, на основе этих принципов, веря в мировую революцию, приступил к осуществлению русских опытов в Италии. Главной конкретной задачей тогда явилась идеолого-политическая организация масс, недовольных политической системой империализма, уставших от мировой войны, и создание органов, аналогичных Советам. Северо-итальянские крупные города Турин, Милан и Генуя, оказались особенно пригодными территориями для организации такого характера. Грамши и молодые соратники-социалисты поняли это положение и приступили к организации «фабрично-заводских советов». В этом движении, которое получило название «красное двулетие» (1919—1920 гг.), главную роль выполняла группа, созданная под руководством Грамши: «Ордине нуово» (Новый порядок). Газета «Ордине нуово» была такой еженедельной культурно-политической газетой, которая исследовала не только особенности, возможности социалистического и коммунистического движения в Италии, но и концентрировала свое внимание на международные политические и идеологические движения: например, газета пыталась обобщить опыты Венгерской Советской Республики, найти свой путь в движении. Еженедельная газета помещала работы наиболее влиятельных марксистских политиков и вождей, в первую очередь, работы Ленина и других деятелей, например, Б. Куна, Е. Варга. Это движение Грамши анализирует таким образом, что «поворотом к итальянской исторической действительности явилась концепция статей Ленина, опубликованных в «Ордине Нуово»³. Одновременно это означало и то, что движение ординовизма однозначно ориентировалось на Коминтерн. Среди рабочих распространился лозунг: «Свершим то же самое, что и в России!» На заводах под руководством ординовистов были созданы фабрично-заводские комитеты, советы, которые стали бы «ростками власти пролетариата». В процессе борьбы, кроме конкретных вопросов, возникли три теоретические проблемы. Во-первых, вопрос *сознательности*. Этому вопросу Грамши придавал чрезвычайно большое значение, и особенно важным мы считаем его утверждение: «Рабочий — только тогда пролетарий, если осознает это и по этому сознанию мыслит и действует».⁴ Следовательно, для сознательности недостаточно, если мы ее

и условий труда, ведь — как это показывают исторические примеры — не каждый рабочий — одновременно пролетарий. Революция, тогда она проявляется как конкретная жгучая необходимость, зависит от воли масс, «от революционной и исторической их воли». Грамши в период движения советов пришел к выводу, что задача марксистов состоит в том, чтобы в массах создать *волю коллектива* в целях построения социалистического общества. Это далее связывается с формированием *консенза*, с формированием национального единства. По мнению Грамши, консенз может быть активным и пассивным: во чтобы то ни стало надо достичь осуществления активного консенза большинства. Только он является основой теоретических действий. С этим связана и другая проблема: *вопрос действия*. Довольно много существует недоразумений в том, как истолковывают это понятие «практики» Грамши. Хотя Грамши в период «красного двулетия» 1919—1920 гг. отстаивает диктаторское действие, продолжающееся, по его мнению, короткое время, из этого не следует, что он является «философом-практиком». Наоборот. Действие у него имеет политико-идеолого-культурный характер *par excellence* и означает только то, что идеи его необходимо перенести в действительность или другими словами: Необходимо осуществить категории марксистской политической теории.⁵ Действие, следовательно, у Грамши никогда не становится самоцелью, а имеет политическое содержание и поэтому оно не мессианистское. Грамши перенял из опытов русской революции и большевистской партии также и то: события всегда необходимо анализировать конкретно и, по возможности, наиболее объективно. Центральным вопросом, поэтому, в третьих, была проблема *истории*. Грамши и здесь был весьма обстоятельным: сущность истории он характеризовал как процесс. Процессуальный характер, по Грамши, имеет не только история, но и революция. «Пролетарская революция — это очень длительный исторический процесс, который осуществляется в развитии, формировании определенных производительных сил, в определенном историческом окружении⁶, — пишет Грамши. Ленин аналогично пишет: «Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики».⁷

Почему важно это? Потому, что показывает, как хладнокровно и обстоятельно он пытался понять тогдашнее вдохновляющее, революционное настроение в интересах успешной цели. Что из этого следует? То, что действительная власть и значение завоевания революции могут подтверждаться в течение долгих лет. Позже Ленин так выразил свою мысль: пролетариату необходимо одержать «перманентную победу», то есть ему необходимо стать гегемоном, недостаточно только господствовать.

В Италии тогда это не удалось. Из-за отсутствия поддержки социалистической партии и других условий движение потерпело поражение в 1920 году. А этим открылась возможность для выступления реакционных сил, для созревания фашизма.

Партийно-организационная деятельность Грамши

Провал движения фабрично-заводских советов также доказал: нельзя дальше откладывать открытый разрыв с реформистским крылом социалистической партии. Это требовали, между прочим, все более решительно Коминтерн

и Ленин. «Итальянская социалистическая партия, — пишет Ленин, — если она хочет быть на деле за III Интернационал, с позором выгнала из своих рядов господ Турати и К^о и стала коммунистической партией как по названию, так и по делам своим.»⁸ В качестве ответа на это выступление 8 мая 1920 г. в одной статье выдвигает всю позицию о необходимости обновления социалистической партии. В этой работе он анализирует положение в Италии, и ставит в ответственность реформистским вождям партии усиление реакционных сил. Эти вожди принимают участие в событиях как пассивные наблюдатели и не поддерживают революционную деятельность масс. Грамши призывает к обязанностям по отношению к Коминтерну, к революционному завоеванию политической власти, к ликвидации бюрократизма внутри партии.

Ленин знаком с этой статьей Грамши и ее положения считает абсолютно верными принципам III Интернационала. «Мы просто должны сказать итальянским товарищам, что направлению Коммунистического Интернационала соответствует направление членов «Ordine Nuovo», а не теперешнее большинство руководителей социалистической партии и их парламентской фракции.»⁹

Под руководством Коминтерна внутри социалистической партии после этого формируется коммунистическая фракция, а затем в январе 1921 года на ливорнском конгрессе (на котором в делегации Коминтерна принял участие Ракоши) происходит разрыв и создается ИКП, как итальянская секция III Интернационала. В Центральный Комитет избирают и Грамши, однако, партией пока руководит «левый» А. Бордига. Между Грамши и Бордига уже тогда шли острые споры. Бордига не желает принимать 25 тезисов о «едином рабочем фронте», принятых на III-ем конгрессе Коминтерна. Грамши в свою очередь считает основополагающим «завоевание большинства пролетариата». Важно осуществление этого принципа гегемонии, потому, что — и это Грамши видел под влиянием Коминтерна и Ленина — не только коммунисты стремились завоевать согласие народа, но и реформистские социалисты и даже реакционные фашисты. Сектанская замкнутость Бордига от единого фронта нанесла большой ущерб молодой коммунистической партии, и этот курс партии справедливо критиковали и в Коминтерне.

В Москве и Вене

Важным этапом жизни и деятельности Грамши явилось его пребывание в Москве и Вене с 1922 по 1924 годы. Он является представителем ИКП в Коминтерне, его выбирают в Исполнительный Комитет, но по болезни он не всегда может принимать участие в работе. Здесь он знакомится с Юлией Шухт, своей будущей женой (один из двух их детей живет в Москве, а другой — в Ленинграде).

Тяжелый период в жизни всей Европы. Реакция постепенно строит свои базы и укрепляется. В Италии также происходит переход власти в руки фашистов, *Marcia su Roma*. Одно за другим следуют столкновения, кульминацией которых стало убийство Маттеотти в 1924 году. ИКП уходит в подполье, многих ее руководителей арестовывают, выдается приказ на арест и Грамши. Сектанская политика Бордига еще в большей степени снижает шансы ИКП в улучшении положения.

Опасность этой политики Грамши видит по-настоящему только в Москве на IV-ом конгрессе Коминтерна в полемике по итальянскому вопросу. В это время, возвратясь домой, он решает все предпринять в интересах укрепления позиций партии. Однако сначала он уезжает в Вену, где координирует работу коммунистических партий средне-европейских и балканских стран. В это время Грамши ведет обширную переписку с итальянскими товарищами, в ходе которой он все более решительно требует ликвидации фракций внутри партии, открытое выступление против Бордига и формирования новой ведущей группы. Далее Грамши рекомендует создание коммунистической газеты («*L'Unità*») и теоретического журнала (*Critica Proletaria*) для повышения квалификации партийных кадров, поскольку даже самые благоприятные ситуации могут обернуться в противоположные, если партийные кадры слабы, — пишет Грамши. Под влиянием Коминтерна и Ленина он приходит к выводу, что единые действия можно сформировать только единой идеологией и единой партией. Поэтому Грамши в одном из писем к Тольятти пишет следующее: «Партия должна быть централизованной».¹⁰

Ко всему этому важно еще одно существенное обстоятельство: тщательный анализ конкретных особенностей итальянского и международного положения, необходимый для эффективной работы, «что мы можем перевести на итальянский исторический язык наиглавнейшие пункты доктрины и тактики Коммунистического Интернационала».¹¹ После своего возвращения Грамши углубляет анализ положения в Италии, однако, на основе своих ранних опытов он уже может высказать значительные свои соображения по вопросу *пролетарской революции*. Собственно говоря, он подвергает самокритике свою раннюю деятельность, когда споря с Бордига он характеризует подобие и различие между русской революцией и возможной революцией в Средней и Восточной Европе. «Та детерминация, — пишет Грамши, — которая в России была прямой и в революционное наступление на улицу выбросила массы, в Средней и Западной Европе произошла с той политической надстройкой, что создала более высокий уровень развития капитализма и поступки масс делает более замедленными, более осторожными, то есть от революционной партии требует намного сложную и длительную тактику и стратегию, чем таковая нужна была большевикам в период между мартом и ноябрем 1917 года».¹² Эта характеристика Грамши совпадает с пониманием Ленина, который неоднократно подчеркивал, например, в статье по поводу исторического места Коминтерна. Ленин обращал внимание на то, что в развитых странах пролетарскую революцию труднее будет *начать* и сравнительно легче продолжать, чем в условиях России.

В 1924 году особенно после смерти Ленина, мало было тех, кто хладнокровно мог взвешивать отношения национальных и международных сил: Грамши и ним относился. Отвергая всякого рода мессианизм, он обращал внимание на длительность исторических процессов, на то, что оптимизм осознания цели должен сопровождаться многосторонним и реальным анализом ситуации. Любимой фразой Грамши было: «Оптимизм в воле, пессимизм в разуме!» После реального осознания положения он приходит к следующему выводу: «Наиболее важная задача нашей партии состоит в завоевании большинства рабочего класса. Тот период, в котором мы сейчас находимся, не период непосредственной борьбы за власть, а — подготовительный этап, переходный период к борьбе за власть, т. е. агитационный, пропагандистский и организационный период».¹³ По терминологии Коминтерна, этот подготовительный период Грамши называет позиционной войной (*guerra di posizione*) в

противоположность с периодом маневренной войны (*guerra di movimento*). В условиях позиционной войны и в дальнейшем важно свержение фашистской диктатуры, как цель, но непосредственные выступления необходимо концентрировать на подготовку сил. Это означает идеологическую работу и создание учреждений. По возвращении — уже в качестве *генерального секретаря ИКП* — Грамши пытается это осуществить.

Характеристика итальянской действительности

Переход к позиционной войне был требованием к распознаванию реальных соотношений сил в стране. Для Грамши стало ясным: никакие акутовые исторические кризисные ситуации не создадут автоматически революционное разрешение кризиса. Кризис является необходимой предпосылкой революционной деятельности, но только предпосылкой ее, а не *причиной*. Поэтому возникает необходимость в идеолого-политической подготовке субъективных факторов и в сплочении в единые организации от пролетарской школы до коммунистической партии. Эта работа была тем более актуальной, потому для Грамши выяснилось, что фашизм — это не только реакционное движение, спланивающее вокруг себя буржуазные силы, но и, как он пишет: «В сущности, фашизм формируют те вооруженные силы, которые непосредственно работают на аграрную буржуазию и капиталистическую плутократию».¹⁴ Эта характеристика фашизма — которая была отражена и в *Impegno* — однозначно показала Грамши, что против реакции, против фашизма недостаточно только выступление коммунистов, а необходимо еще и создание широкого демократического фронта, единого блока. Эта является одной из основных платформ современной деятельности ИКП.

Однако создание единого фронта — это длительный процесс. Грамши разделял мнение известного экономиста П. Сраффа, согласно которому в данной исторической ситуации от диктатуры фашизма невозможно *непосредственно* перейти к диктатуре пролетариата: между ними нужно провести демократическую фазу. История потребовала это от ИКП. Итальянское капиталистическое государство, хотя и было сильно потрясено мировой и последующим за ней кризисом, оказалось довольно устойчивым, и правящий класс располагал весомыми политическими и организационными ресурсами. Пример этому фашизм, против которого Грамши выступал и в качестве представителя в парламенте.

Грамши пытается провести эту национальную программу, охарактеризовать положение в Италии, учитывая международные опыты. Он перенимает у Коминтерна лозунг «большевизации» и после «поворота», указанного в свое время Лениным, стремится применить его к конкретной ситуации. Из опыта большевиков ИКП, с одной стороны, выводит необходимость создания рабоче-крестьянского союза, с другой — важность установления гегемонии пролетариата. *Союзническая политика* в Италии, — говорит Грамши, — это вообще-то не рабоче-крестьянский вопрос, а вместе с тем *ватиканский* и *южный* вопрос. Ведь Ватикан, по старому толкованию, пытается завоевать для себя религиозные массы. ИКП, если она желает *единый фронт*, должна вывести религиозные массы из-под влияния духовенства для достижения своих целей. Эта задача актуальна и сегодня, точно так же, как и завоевание отсталого крестьянства

южной Италии, так как его необходимо освободить от влияния аграрной буржуазии. Эти намерения ИКП сформировались уже в 1925—1926 гг., и они привели к проблеме создания интеллигенции нового типа, так называемой *органической интеллигенции* внутри пролетариата. Буржуазный господствующий класс — и это очень правильно заметил Грамши — уже до французской революции сформировал свою органическую интеллигенцию, которая в качестве общественной группы, стоящей внутри господствующего класса, передавала массам его волю, идеологию. И пролетариату нужно сделать то же самое — и в случае Италии в соответствии с исторической ситуацией еще до *прихода к власти* необходимо начать работу по формированию органической интеллигенции. Только таким образом они могут удовлетворить второму выводу большевизации. Из анализа положения в Италии и исторического опыта для Грамши также стало ясно, что какой-либо класс должен не только править, но и управлять. Он приводит разницу между *правлением* и *управлением*. «Пролетариат, и, пишет он, — способен стать управляющим и правящим классом в той степени, в какой ему удастся создать систему классовых союзников, насколько ему удастся завоевать консенз широких крестьянских масс». ¹⁵ Завоевание подавляющего большинства рабочих и крестьянских масс считал чрезвычайно важным и Ленин: «Такая борьба может быть успешна, лишь когда самый революционный авангард пролетариата ведет за собой подавляющее большинство его». ¹⁶ Именно поэтому имеет смысл различение понятий *правления* и *управления*. Нужно господствовать над реакционными силами, однако, это возможно только под руководством большинства, когда консенз становится гегемоном. Иначе возникает такое тоталитарное государство как фашизм, который, как это потом было доказано историей, не было способным к управлению народом нацией.

Характеристика положения, которую дал Грамши, вызвала недовольство со стороны некоторых представителей Коминтерна. В период своего нового пребывания в Москве в 1925 году, когда он выступил и в Коминтерне, однозначно выяснилось, что в оценке общего международного положения и целей между Грамши и Зиновьевым обнаружилось одинаковое взгляды, а в раскрытии возможностей конкретной ситуации — различные взгляды. Зиновьев и Бордига требовали незамедлительного, фронтального наступления против фашизма, а Грамши видел, что для этого нет условий. Мы считаем, что здесь проявляется *ленинизм* Грамши. Ленин же писал по этому поводу: «Признать диктатуру пролетариата, это не значит: во что бы то ни стало в *любой* момент идти на штурм, на восстание. Это вздор. Для успешного восстания нужна длительная, умелая, упорная, великих жертв стоящая подготовка». ¹⁷ В духе Ленина мы можем добавить, что в данной ситуации необходимо взвесить и возможности отступления. Не то, что о фронтальном наступлении не могло быть и речи тогда в Италии, но нужно было считаться с укреплением фашизма, жертвой которого стали многие активисты, а среди них и Грамши.

Грамши в фашистских тюрьмах

Оставив без внимания право на неприкосновенность Грамши в качестве парламентарского представителя, в ноябре 1926 г. его арестовывают и позднее осуждают на 20 лет. Начинается борьба за существование: его здоровье было подорвано тюрьмой; попытки ИКП и Ромена Роллана, направленные на

освобождение Грамши, потерпели неудачу. О его жизни в тюрьме свидетельствуют те письма, которые были изданы после его смерти под названием «*Письма из тюрьмы*» и публикация их за трогательное, гуманное содержание в 1947 году была удостоена литературной приемной. Как показал известный итальянский исследователь, директор римского *Института Грамши* П. Спрьяно, его связь с партией и тогда не была порвана, он характеризует и осуждает итальянское и международное положение с товарищами по тюрьме (среди них с Террачини, Пертини).¹⁸ Он откликается на актуальные общественно-политические вопросы, на пятилетний план народного хозяйства СССР, на мировой экономический кризис, на проблемы фашистского режима. Всё это мы узнаем из тех тетрадей, которые сначала были опубликованы Тольятти, а позднее В. Джерратана под заглавием «*Тюремные тетради*».

В защиту марксизма-ленинизма

Характер и содержание тюремных записей тесно связаны с его ранними работами; в них также Грамши выступает как «партийный человек» (по выражению Тольятти) и поэтому неправомерно считает эти записи чисто теоретическими.

Тем более, поскольку мы встречаемся с конкретным анализом империализма, с двумя его формами, а именно: с фашизмом и американизмом. Грамши отличает общую черту их обоих- и *регрессивный* характер и только их склонность к правлению. Это, однако, доказывает, что империализм переживает кризис, свою власть он способен удерживать лишь принуждением. Кризис этот означает одновременно и умирание, однако, умирание — это не инерция, — как пишет Грамши, — а сила, кровавая диктатура. Умирание поэтому продлится долгое время, — указывает Грамши. Задача, следовательно, и в дальнейшем состоит в народно-национальной монолитности, в освобождении от влияния господствующего класса. Идеологической предпосылкой этого является повышение уровня сознания людей, ознакомление широких народных масс с основами марксизма-ленинизма. Небезразлично, что в какой-либо сфере классовой борьбы действуют люди, располагающие какой именно сознательностью, ведь в своих поступках они проявляют именно эту сознательность.

Поэтому Грамши боролся — иногда с преувеличенной страстью и гневом — против искажения марксизма-ленинизма. Его полемика имеет двойную направленность: во-первых, Грамши критикует «сырой материализм», проявляющийся внутри марксизма, экономизм в стиле Бухарина. Во-вторых, разоблачает ревизионизм, пытающийся интегрировать с буржуазной философией посредством органической интеллигенции марксизма, но уже в идеалистической форме Кроче. Главный его довод против *Бухарина*, что тот, подчеркивая железную необходимость хода истории, исключает сличающее и таким образом, как это сформировал с своей мысли и Ленин в «Заветах» — никогда не понял диалектики. Параллельно с этим Грамши преувеличенно подчеркивает материальный момент в истории, в результате чего пытается доказать в своей *Порюларной учебнике*, что надстройка определяется базисом. В полемике против Бухарина Грамши сознательно опирается на критику экономизма Энгельсом и подчеркивает значение *Тезисов фейербахе*. По мнению Грамши, Маркс уже осветил, что сырой материализм останется «созерцательным», если он не опи-

рается на практической момент и если не исключает из представления о мире активный субъективный фактор. В противоположность Бухаринской манипуляции марксизма он выступает за творческий марксизм, исходящий из конкретного общественно-политического положения. А Кроче в свою очередь, пожалуй, первый значительный буржуазный мыслитель, который после того как познакомился с основами марксизма, был за то, чтобы марксизм сделать «служанкой буржуазной философии». Кроче стремился умалить идеолого-политическое значение марксизма и вовлечь его в систему идей правящих классов. Поэтому Грамши хотел на манер *Анти-Дюринга* написать *Анти-Кроче*, что, однако, удалось ему лишь частично, поскольку тюремные условия не дали ему возможность работать систематически. Грамши у Кроче критикует аполитичный, оторванный от народа тип интеллигенции: обязательство, долг, — мы можем сказать: существование «партийного человека» — было для Грамши требованием.

Что является марксизмом, ленинизмом в понимании Грамши? По выражению Лабриолы: *самостоятельная, сама по себе уже достаточная философия и теория политики*. Это означает только, что Грамши отвергает всякую разновидность «комбинированного марксизма», всякое «дополнение» к марксизму, или его «интеграцию». Ссылаясь на *Тезисы Фейербаха*, он ее называет *философией-практикой*, которая превосходит как традиционный марксизм (пример Бухарина), так и традиционный идеализм (пример Кроче). В нем в единстве проявляются субъективный фактор, практика и история, чтобы могла осуществиться марксистско-ленинская формула «народ делает историю».

О государстве и революции

Какие же выводы напрашиваются из этой общей философской позиции в сфере теории политики? Здесь Грамши кроме характеристики конкретного положения опирается в первую очередь на точку зрения Макьявелли и закладывает основы *Нового князя*. В современную эпоху, по его мнению, это *политическая партия, как коллективная интеллигенция*, самая главная задача которой заключается в организации воли масс. Расширяя понятие интеллигенции, Грамши говорит о том, что группы с одинаковым мировоззрением — если это мировоззрение желают *привить* массам — независимо от их принадлежности к общественным классам, выполняет функцию интеллигенции. Задача заключается в массовой интеллигенции такого органического типа, поскольку эти группы интеллигенции в период *перехода* от капитализма к социализму имеют первостепенное значение. В *переходе* — здесь мы отвлечемся от того, произошел ли уже захват власти или нет (хотя в другом отношении это существенно) в формировании консенза эта органическая интеллигенция может сыграть центральную роль. Новому князю, партии в переходный период, по мнению Грамши, выпадает двойная задача: сформировать консенз, репрезентирующий народно-национальное единство и пронести до конца «духовную и моральную реформу», т. е. по выражению Ленина, культурную революцию. Это необходимо потому, что только властью перманентную победу, как мы уже сказали, — досчитать невозможно.

Даже внутри государства — если и не в каждом случае остро разделяется — можно обнаружить двойную тенденцию. Грамши эту *концепцию государства* разрабатывает внутри марксизма-ленинизма с помощью новой формули-

ровки: по его мнению, государство имеет обычное, несколько узкое понятие, и понятие более широкое, понятие теоретическое. Государство в обычном смысле понимается вообще-то как диктатура, как принуждение — т. е. как «политическое общество». Таким образом, государство равно политическому обществу. Однако внутри государства — и этим Грамши расширяет понятие государства — наряду с диктатурой всегда имеется необходимость и в гегемонии, вместе с принуждением — необходимость в убеждении, вместе с политическим обществом — необходимость и в «гражданском обществе». Государство, следовательно, это диктатура и гегемония, то есть совокупность политического общества и гражданского общества. Естественно, различие их обоих, по мнению Грамши, относительно, поскольку и гражданское общество — это не какая-то «частная организация», то есть аполитичная сфера, однако различать их необходимо, так как в гражданском обществе осуществляется самоуправление человека, его идеологическое и политическое единие. Эта сфера гегемония, сфера консенза, в которой осуществляется многообразие, плюрализм организаций и учреждений. Государство в более широком смысле слова, правильно говоря, это *равновесие* между диктатурой и гегемонией. Государство характеризуется таким образом, что какая сторона в нем, какой элемент преобладает. По мнению Грамши, цель должна быть обязательна в демократическом государстве; чтобы гражданское общество, обладающее гегемонией, консензом, имело *перевес*. «В урегулированном обществе» — как называют коммунизм под влиянием Коминтерна — исчезнет государство в узком смысле слова, то есть политическое общество всосется в гражданское общество»¹⁹. Это своеобразное и новое объяснение *отмирания* государства, подчеркнутое Марксом, Энгельсом и Лениным. Для расширения гражданского общества, то есть для завоевания гегемонии, далее необходимы две вещи: во-первых, вытеснение диктатуры, принудительного элемента на задний план, ведь этим невозможно *реальное* изменение общества. Во вторых, сознательные и планомерные реалистические, политические организация и действия. По мнению Грамши, усвоение гегемонии, способностей к руководству происходит под руководством коллективной интеллигенции и партии. Следовательно, политику партии характеризует способность к руководству в том, насколько удалось правящий класс превратить в консенз, в *класс-гегемон*.

В политико-теоретическом отношении это выражается в концепции революции таким образом, что, как правило, возникает необходимость в *переходе* от маневренной войны к позиционной войне. Это означает и учет своеобразных условий Италии. Сопоставляя советско-русские и западные условия, Грамши пишет: «Мне кажется, Ленин понял: на Востоке в 1917 году удачно примененную маневренную войну необходимо преобразовать в позиционную войну, которая на Западе является единственно возможной». Далее он продолжает: «На Востоке государство было всё, гражданское общество существовало в начальной стадии и было распыляемым; на Западе между государством, обществом были равные отношения, и когда государство поколеблелось, незамедлительно выступила мощная структура гражданского общества. Государство было лишь траншеей, рвом, за которыми стояла могучая система крепостей и казематов». Это также означает, что в капиталистическом обществе гнет защищается и укрепляется учреждениями гражданского общества (партией, церковью, школой и т. д.). Следовательно, наступление — по выражению Ленина — нужно начать «с другого конца», со стороны политического общества буржуазного государства. Этим, естественно, революционный процесс будет

считаем только автоматически определенной степенью развития средств труда длительнее, однако, цель и в этом случае состоит в свержении капитализма. ИКП и в настоящее время проводит эту политику.

Актуальность Грамши

Жизненный путь Грамши был трагичным: фашизм подорвал не только его философскую и политическую деятельность, но и погубил его жизнь. Его труды остались незаконченными.

Однако, эти незавершенные труды позднее оказали революционизирующее влияние на итальянское и международное рабочее движение тем, что в них Грамши применил к условиям Италии те учения, которые он почерпнул из марксовой и в особенности ленинской философии и теории политики. В противоположность тем интерпретациям ²¹, по которым Грамши называют «западным марксистом» — отграничивая его от Ленина, мы Грамши однозначно считаем продолжателем ленинского учения и называем его марксистом, ленинстом, без всяких поправок и оговорок. В этом заключается историко-марксистское значение Грамши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Это высказывание Тольятти является основным по отношению к Грамши. См.: P. Togliatti: Antonio Gramsci, Roma, 1971.
2. Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии в 1919—1929 годах. М., 1968, «Наука», стр. 69—70.
3. А. Грамши. L'Ordine Nuovo, Torino, 1954. Einaudi, p. 152.
4. А. Грамши. Scritti giovanili, Torino, 1958. Einaudi, p. 328.
5. Ленин об этом пишет: «Характернейшая черта этого Интернационала, его призвание: выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения.» См. Полн.собр. соч., т. 38, стр. 303. Изд. политической литературы, М., 1969.
6. А. Грамши. L'Ordine Nuovo, p. 123.
7. Это его положение, между прочим, опирается на точку зрения Маркса и Энгельса. См. Ленин. Полн.собр.соч., т. 27, стр. 253.
8. Ленин. Полн.собр.соч., т. 41, стр. 98.
9. Это чрезвычайно важное утверждение Ленина, которое показывает, насколько он знал и уважал мысли Грамши. Ленин. Полн.собр.соч., т. 41, стр. 254.
10. Одновременно это означает принятие ленинских партийных норм. 2000 pagine di Gramsci, Milano, 1964. Il Saggiatore, p. 662.
11. А. Грамши. La costruzione del Partito Comunista. Torino, 1971. Einaudi, 21. p.
12. А. Грамши. 2000 pagine di Gramsci. Стр. 673. Позднее это дает основу для создания теории революции у Грамши.
13. А. Грамши. La costruzione... 37. p.
14. Там же, стр. 27.
15. Там же, стр. 140.
16. См. Полн. собр. соч. В. И. Ленина, т. 41, стр. 190.
17. См. Полн. собр. соч. В. И. Ленина, т. 40, стр. 135.
18. См. Р. Р. Spriano. Gramsci in carcere e il partito.: Rinascita-Contemporaneo, 1977. 13. 15-26. p.
19. А. Грамши. Quaderni del carcere, I-IV. edizione critica. Torino, 1975. Einaudi, 662. p.
20. Там же, стр. 886.
21. Например, П. Андерсон. Considerations on Western Marxism, New Left Books, 1976. London.

GRAMSCI AND LENIN

The re-creation of Leninian totality amid the concrete circumstances of a country is shown through a special life-work of the twentieth century history of Marxism. Gramsci belongs to a generation of Marxists whose basic experience was the Russian revolution of 1917 and Lenin's activity, therefore his relation to Lenin is of utmost importance for Gramsci.

It is pointed out that Gramsci, from 1918-19 to his death — beyond the Italian tradition: Machiavelli, Labriola — strives to realize the main statements of the international labour movement and of Lenin in practice. The basic categories of his theory of politics — like the ideas of dictatorship, hegemony, consensus, passive revolution, popular-national unity and collective will — were created during the consolidation period of reaction. All this is done according to Lenin's philosophy and theory of politics, therefore — in contrast with several other interpretations — it is right to regard Gramsci's work to be the „continuation of Leninism”.

Gramsci's work proves that the tradition of Marxist philosophy and theory of politics can be creatively continued within Marxism even after Lenin.

AZ „ACTA UNIVERSITATIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE SECTIO PHILOSOPHICA”

köteteiben megjelent tanulmányok

Acta Philosophica I. (1959) Szeged

DR. KALOCSAI DEZSŐ: A revizionizmus és a dogmatizmus néhány filozófiai problémájáról. 3-35. old.

DR. KATONA PÉTER: A logika korszerű értelmezésének kérdéséhez. 35-55. old.

Acta Philosophica II. (1960) Szeged

DR. SZÉKELY SÁNDOR: A mozgásformák visszavezethetelensége és az ún. „gondolkodó gépek” kérdése. 3-32. old.

Acta Philosophica III. (1961) Szeged

DR. HORUCZI LÁSZLÓ: A kommunista erkölcs alapelveinek a kérdéséhez. 3-19. old.

DR. KALOCSAI DEZSŐ: A descartesi ismeretelmélet néhány problémájáról. 21-34. old.

DR. KOCSONDI ANDRÁS: A tér és az idő, mint a mozgó anyag létformái. 35-48. old.

Acta Philosophica IV. (1962) Szeged

DR. KALOCSAI DEZSŐ: A kommunizmus építőjének erkölcsi kódexe és erkölcsi viszonyainak kérdései. 3-23. old.

HÉDER JÓZSEFNÉ: Az SzKP XXII. kongresszusa és a marxista államelmélet néhány kérdése. 25-39. old.

KUCZIK ISTVÁN: A társadalom objektív tényezőinek szerepe a kommunista erkölcs kialakulásában és általánossá válásában. 41-54. old.

PAPP JÁNOS: A dolgozók anyagi érdekelttségének néhány kérdése a szocializmusban. 55-70. old.

TÓTH MIKLÓS: A sokoldalúan fejlett személyiség kérdéséről. 71-84. old.

Acta Philosophica V. (1963) Szeged

KAPOSI MÁRTON: A fenséges helye és szerepe a vallásos művészetben. 3-18. old.

PAPP JÁNOS: A látási észlelés fiziológiájának ismeretelméleti problémáiról. 19-42. old.

Acta Philosophica VI. (1964) Szeged

KATONA PÉTER: A formális logikai törvények helye a megismerésben. 3-33. old.

SZÉKELY SÁNDOR: A kibernetika fogalma és tárgya. 35-39. old.

Acta Philosophica VII. (1966) Szeged

KATONA PÉTER: A marxista filozófia alapstruktúrájáról. 3-19. old.

VÉGH GYULA: A „tartalom” és „forma” viszonyának néhány kérdése a biológiában. 21-33. old.

HORUCZI LÁSZLÓ: Megjegyzések a nemiség és az egyén kapcsolatának kérdéséhez. 35-55. old.

Acta Philosophica VIII. (1967) Szeged

HORUCZI LÁSZLÓ: A katolikus etika felfogása a nemiségről. 3-25. old.